

Фатальный лабиринт диалектики и спасительная нить христианской свободы в философской интерпретации Н. А. Бердяева

Погодин Игорь Вячеславович

кандидат философских наук, доцент Института социально-гуманитарных исследований,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва. E-mail: igor-pogodin70@yandex.ru

Аннотация. Данная статья нацелена на анализ и понимание идейных разногласий экзистенциального персонализма Н. А. Бердяева, с одной стороны, и различных мировоззренческих концепций, утверждающих детерминизм и телеологию в судьбе мира и существования человека, с другой стороны. Проблема сущности личной свободы человека в поле познавательного дискурса и в пространстве культурно-исторической динамики, о ценности личности в мировом процессе является чрезвычайно актуальной. Цель данной статьи состоит в попытке анализа философских идей Н. А. Бердяева, посвящённых критике основ и принципов диалектического метода мышления и связанного с ним мировоззрения, обесценивающих и подчиняющих людей внеличностным рассудочным концептуальным системам. Мы попытались критически осмыслить и раскрыть теоретические постулаты философии Н. А. Бердяева, направленные на оправдание христианской интерпретации свободы личности, являющейся, по убеждению русского философа, более глубокой, перспективной для жизни и творческой самодеятельности человеческих индивидов, чем разновидности диалектических доктрин. На основе сравнительно-исторического и герменевтического методов исследования религиозных и философских источников даётся репрезентация дискурса Н. А. Бердяева о генезисе и сущности диалектического метода мышления и связанного с ним мировоззрения, рассматривается интерпретация русским философом роли установки сознания и направленности духа для интеллектуальной и практической жизни человека и общества, понимания природы и перспектив человеческой свободы, даётся сравнение идей субстанциальной диалектики и христианского экзистенциализма в рамках концептуального мировоззрения русского философа. В статье вскрыты возможные угрозы социальной дегуманизации, которые заключены в диалектике самодостаточного и замкнутого смыслового континуума жизни и его мыслительного конструирования. Содержание идейного противоборства различных духовных установок, имеющего актуальное значение для современного общественного сознания и философского дискурса в современных условиях идейных споров и дискуссий, раскрывается на широком фоне исторического, философского и культурного материала.

Ключевые слова: сознание, субстанциальность, необходимость, детерминизм, символизм, деперсонализация, материализм, спиритуализм, свобода.

Введение. Современный этап развития общества и его сознания характеризуется предельной нестабильностью, проходит через кризис мировоззренческих основ, связанный с попытками трансформации традиционных ценностей и идей, и как следствие этого непримиримым противостоянием различных социальных групп и их основополагающих идеологем. Происходит пересмотр и переоценка фундаментальных взглядов на мир и на человека, предпринимаются попытки ревизии религиозных, эстетических, антропологических, аксиологических воззрений на уклад и смысл жизни, глобального переформатирования парадигмы природного, социального и человеческого бытия и его познания, что открывает перед обществом новые, неведомые возможности и риски. В этот сложный и кризисный период исторического хода развития общества и его философских исканий, когда подвергаются сомнению и пересмотру духовно-нравственные константы иудео-христианской цивилизации Европы и сами основы человечности, нам представляется очень перспективным и продуктивным обратиться к размышлениям русского философа XX в. Н. А. Бердяева, сила духовно-нравственного творчества которого была обращена на осмысление и понимание основания, природы, сути и перспектив культурно-исторической практики и познавательной активности человечества в период глобальных социальных экспериментов и масштабного мировоззренческого потрясения первой половины XX в. Философский дискурс Н. А. Бердяева и выводы из него являются, на наш взгляд, актуальными и полезными для философской рефлексии и диалога мировоз-

зренческих доктрин в современной духовной и социальной ситуации, для теоретического осмысления фундаментальных духовно-нравственных ценностей как истока и основы свободы человека и его высшей ценности как личности в этом мире, где в данный момент исторического развития осуществляются попытки размывания этих духовно-нравственных основ и ценностей и замены их ценностями расчеловечивания.

Проблема свободы в творчестве Н. А. Бердяева рассматривалась в научной литературе довольно подробно и разносторонне, как советскими учеными (Ермичёв А. А. [9], Кувакин В. А. [13]) и мыслителями русского зарубежья (Зеньковский В. В. [11], Левицкий С. А. [14]), так и современными исследователями (Евлампиев И. И. [8], Запека О. А. [10], Нижников С. А. [19]). Если советские ученые рассматривали идеи Н. А. Бердяева критически с позиций диалектического материализма, то православные философы русского зарубежья подвергали анализу концепцию христианского персоналиста через призму догматической доктрины своей веры, тем самым изначально суженно и тенденциозно. Современные ученые подробно и глубоко реконструируют и выявляют главные аспекты исследуемой ими проблемы в дискурсе Н. А. Бердяева, но тема экзистенциальной диалектики, где остро встают вопросы судьбы духовной свободы в условиях исторической объективации, а также проблематика различия понимания человека и его свободы в экзистенциальной диалектике Н. А. Бердяева и диалектических доктринах его идейных оппонентов, недостаточно подробно и глубоко представлены в данных работах.

Основная часть. Мир, в котором живет человек и в котором складывается его судьба, по убеждению Н. А. Бердяева, является по своей природе и по своей сути символическим. Утверждая человеческую свободу в историческом бытии, он – как мыслитель – исток и центр всех событий в реальном мире помещает в сверхъестественном плане жизни, который не подпадает ни под какие рациональные категории или материальные и социальные закономерности. Н. А. Бердяев утверждает: «Символ говорит не только о том, что существует иной мир, что бытие не замкнуто в нашем мире, но и о том, что возможна связь между двумя мирами, соединение одного мира с другим, что эти миры не разобщены окончательно. Символ и разграничивает два мира, и связывает их. Сам по себе наш природный, эмпирический мир не имеет значения и смысла, он получает свое значение и смысл из другого мира, из мира духа, как символ духовного мира» [3, с. 50].

Объявляя весь окружающий, осязаемый и духовный мир с его многообразными процессами, явлениями и факторами символическим, русский философ, с одной стороны, постулирует наличие смысла и целесообразности реального жизненного процесса и самой наличной действительности, т. к. любой символ в себе самом содержит интенцию к какой-либо реальной и основополагающей ценности или цели, раскрывающих и истолковывающих сущностное содержание и смысловую наполненность определенного знакового феномена. С другой стороны, Н. А. Бердяев лишает осязаемый, наличный мир субстанциальности и самодостаточности. Окончательное разрешение всех трагических вопросов, проблем и чаяний земной жизни возможно только за ее пределами, в иной реальности и в ином измерении. В этом и сила и слабость мыслительного творчества русского философа. С одной стороны, он при помощи концепции символизма бытия избегает спекулятивного конструирования умозрительных, всеобъясняющих доктрин, а с другой стороны, переносит разрешение вопросов и проблем космической и социальной жизни в сверхъестественную сферу реальности, недоступную рациональному дискурсу, расписывается в неспособности адекватно и понятно для всех явить логику и смысл исторической жизни в границах своей экзистенциальной диалектики. Здесь ярко проявилась особенность мышления и мировосприятия Н. А. Бердяева, подмеченная В. В. Зеньковским [11, с. 718–719], заключающаяся в примате динамичного субъективного, личного пристрастия над любыми объективными, статичными системами, которые, по убеждению Н. А. Бердяева, подчиняют и ограничивают свободу человеческого поиска истины, деперсонализируют его познавательный акт. Поэтому неудивительно, что Н. А. Бердяев своим свободным, страстным и несистематизированным стилем мышления не уместается ни в рамки марксистской диалектики, ни в пределы богословской догматики, ни в границы экзистенциального дискурса.

Если основа и источник материальных и духовных явлений и процессов утверждается в трансцендентной духовной сфере бытия, то тем самым от динамики и содержания процессов духовного мира напрямую зависит направленность, темп и сущность развития имманентного природного и социального мира. В данной дуалистичной картине мироздания первостепенное значение, по мысли Н. А. Бердяева, имеет сознание человека, которое, будучи напрямую связанным с духовными процессами и идеальным содержанием сверхъестественного мира,

определяет понимание и интерпретацию окружающего его наличного мира. Сознание человека, имея духовную природу, является динамичным и непредсказуемым, и его интенция и его установки обуславливаются свободным выбором человека, его волевым духовным актом.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сформулировать два вывода, необходимых нам для дальнейшего понимания хода мысли Н. А. Бердяева. С одной стороны, динамика и глубина сознания человека, благодаря присущей ему свободе, может быть различной и изменчивой, лабильной и нестационарной. Картина мира, которая казалась незыблемой и константной благодаря устоявшемуся содержанию и привычной направленности сознания человека, может кардинально стать иной в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах вследствие трансформации этого самого сознания. То, что раньше было важным, оказывается второстепенным, то, что прежде рассматривалось как первичное и фундаментальное, теперь представляется как поверхностное и производное. Сущность этого процесса работы сознания явлена в тексте Тропаря празднования Рождества Христова, повествующем о коренной трансформации приоритетов и субординации ценностей в сознании волхвов: «Рождение Твое, Христос Бог наш, воссияло для мира светом знания. Ибо во время его служащие звездам были научены звездою (же) поклоняться Тебе, Солнцу правды, и знать тебя, Восток свыше» [18, с. 730].

Второй вывод из анализируемой нами концепции Н. А. Бердяева состоит в том, что ориентация и содержание сознания в силу ложно направленной свободы и искаженного духовной гордыней мышления может создать такую интерпретацию мира и ее практическое конструирование, которые оказываются по своей сути натуралистичными и телеологичными, изолированными от духовной первореальности, которую они принципиально отвергают, помещая основу и источник духовных открытий и материальных свершений в границы субстанциального культурно-исторического континуума. Исконно свободный и иррациональный дух в этой картине мира и в этой практической реальности оказывается замкнутым в координаты материальной или идеальной необходимости и определяется рациональным дискурсом, опредмечивается и объективируется в абстрактном схематизме и спекуляции. Н. А. Бердяев замечает проявление этой закономерности в различных формах философской рефлексии духовной истории человечества: «Позитивизм, материализм, рационалистический натурализм – формы статического понимания сознания, отождествления ограниченных и суженных форм сознания с бытием, закрытие бесконечности духовного мира... Кантианство, более утонченное направление мысли, чем позитивизм и материализм, пытается закрепить незыблемые и непреложные границы сознания и именуется это абсолютно статическое сознание сознанием трансцендентальным... Но трансцендентальное сознание не есть виновник ограниченности, в которую ввергнута духовная жизнь человека, оно лишь отражает состояние самой жизни, самого опыта, самой направленности первичной воли. Ведь и богословское сознание, враждующее с кантианской философией, в сущности, вращается в той же замкнутой сфере трансцендентального, общеобязательного сознания и не признает безграничности духовного опыта, возможности расширения сознания» [3, с. 76]. Такая диалектическая закономерность в силу своей ложной направленности, убежден Н. А. Бердяев, враждебна человеческой свободе мысли и исторической деятельности.

Н. А. Бердяев глубоко и пронизательно, на наш взгляд, подвергает анализу происхождение, сущность, логику и результаты диалектического мышления и того имманентного субстанциального мира, в котором торжествуют диалектические законы и принципы развития. Вследствие ложно направленной свободы и искаженного эгоцентричным самоволием сознания человека возникает объективация, т. е. замкнутый и самодостаточный материальный мир, в себе самом полагающий основание и смысл собственного становления и развития, отрицающий иные миры и сферы жизни, выходящие за пределы наличного осязаемого опыта и познавательных возможностей. В этом объективированном мире материальные и социальные феномены оказываются довлеющими над сознанием и духовной сферой жизни личности, подчиняющими их своей логике и необходимости, выводящими их из собственной имманентной природы. В мышлении объективированного сознания укореняется, согласно философскому дискурсу Н. А. Бердяева, диалектика как метод и стиль понимания и интерпретации, осмысления развития объективной, живой реальности. Данный стиль и метод мышления рассматривает и исследует природную, социальную и духовную действительность исходя из законов и принципов человеческого разума, согласующимися с законами и принципами самоорганизующегося и из себя самого планомерно и неизбежно становящегося натурально-

го миропорядка. Следовательно, делает вывод Н. А. Бердяев, и мышление, и сознание человека в поиске истины и пути разрешения противоречий и трагедии жизни будут такими же изолированными и замкнутыми на самих себе, отчужденными и закрытыми от подлинного духовного истока и смысла жизни, каким ими представляется окружающий и определяющий их же самих мир.

Н. А. Бердяев, вскрывая изъяды диалектики, указывает, что несмотря на различие подходов и понимание истоков и сил развития бытия, системы миропонимания и мыслетворчества К. Маркса и Г. В. Гегеля, оказавшие своим пафосом свободы значительное воздействие на дискурс и самого Н. А. Бердяева, являются идентичными и тождественными в плане того, что они рассматривают и познают и материальный, и духовный миры как части единого, замкнутого на самом себе пространства, подчиненного рационально познаваемым и неуклонным законам внутренней логики саморазвития. Диалектика мышления в процессе истолкования и решения объективных противоречий и кризисов жизни неизбежно приходит к отрицанию изначального тезиса, который был положен в основание процесса развития органического мышления и натурального мира, и к трансформации этого исходного тезиса в антитезис, полярный антипод исконного постулата. Свобода переходит в необходимость и рабство, бесконечность развития и простор мысли преобразуется в интеллектуальный тупик и непоколебимый догмат, человеколюбие и пафос гуманизма оборачивается презрением к человеку и его деперсонализацией, широта и полнота мировосприятия, плюралистичность и диалогичность мышления заканчивается принудительным оскоплением силы и сложности жизни. Н. А. Бердяев констатирует: «В этом нашем мире действует не только Бог, но также рок, необходимость, случай. Рок продолжает действовать там, где мир покидает Бога и где Бог покидает мир... Человек и мир подчиняются неотвратимой необходимости в результате ложно направленной свободы» [4, с. 260]. При этом данная трагическая логика этого метода и стиля мышления характерна не только для апостолов диалектики, т. е. Г. В. Гегеля и К. Маркса, но и для тех великих философов, создателей грандиозных философских систем, таких как Платон, Фома Аквинский, Спиноза, Ницше, которые формально не причастны диалектике как конкретному культурно-историческому феномену, но по сути их мышление и миропонимание следуют в русле этой парадигмы.

Исходя из свободного акта сознательного выбора и утверждения самообусловленного мира, подчиненного внеличностным, неизбежным закономерностям раскрывающей себя во всем своем богатстве и противоречии материальной или духовной субстанции, творцы и апологеты диалектики целиком и полностью подчиняют свободу духа и свободу действий человека неумолимому процессу становления монистической телеологии. Спиралевидная логика развития мира через взаимодействие и противоречия полярных начал и разрешения этого противоречия посредством революционного качественного скачка и перехода на более высокий и продуктивный уровень развития полярных сил, вступающих там в новую фазу противоречий и их кардинального разрешения, оказывается запрограммировано инвариантной, подчиняющей себе все богатство форм жизни как материальной, так и духовной. В диалектике Г. В. Гегеля все конкретные процессы и феномены жизни оказываются лишь мысленными категориями неуклонного духовного процесса саморазворачивания и самопознания Абсолютной Идеи. При этом ни в самой субстанции, ни в ее духовной и материальной проекции нет никакой свободы и драматизма. В диалектике К. Маркса материальные и социальные силы определяют и формируют, согласно своей внутренне в них заложенной логике развития, все личностные и духовные параметры и смыслы культурно-исторического измерения жизни. Материальные законы бытия, социальные факторы и условия существования человека полностью подчиняют себе его духовную сферу жизни, и индивид оказывается бессильным перед давлением внешних, объективированных сил. Личность не может им противостоять, так как она сама свободно поставила себя и свой духовный мир под власть бездуховных начал, которые воздействуют на нее с неуклонной необходимостью и рациональной предсказуемостью. Оказавшись в определенных условиях замкнутого, имманентного культурно-исторического существования, являющегося следствием актуализации духовной или материальной субстанции, человек безропотно подчиняется тяготеющей над ним безальтернативности онтологического процесса.

Материальное имущество и социальный статус безраздельно господствуют над нравственным сознанием и мотивами поступков человека, и все люди безусловно находятся под властью этого неуклонного закона жизни. Сам К. Маркс очень афористично и хлестко указал в

своей фундаментальной работе «Капитал» на эту характерную особенность своего учения, солидаризовавшись с высказыванием британского публициста Т. Д. Даннинга о любом капиталисте, который ради прибыли в 300 процентов пойдет на любое преступление [16]. Если дух человека оказывается обусловленным материальной или духовной необходимостью, то тогда человек не может найти в себе или вне себя сил и возможностей сопротивляться этому давлению внешних и чуждых ему обстоятельств, ему не на что опереться для утверждения своей автономности и независимости от неотвратимости поступательной логики диалектического развития мира. И тогда человеку ничего не остается, как признать себя частью этой глобальной системы причинно-следственных связей, интеллектуально оправдать необходимость и благость тех объективных процессов жизни, в которые он органично включен, и полюбить познаваемый им натуральный, развертывающийся порядок бытия. Эта любовь человека к имманентному Абсолюту, по мысли Б. Спинозы [22, с. 192–193], будет предустановленным проявлением любви этого Абсолюта к самому себе. Таким образом, человек будет объяснять все свои поступки, мысли и оценки исторической неизбежностью, рациональной неоспоримостью и социальной необходимостью развития замкнутой на самой себе субстанции, а это лишает индивида духовной свободы и объективной нравственной оценки. Русский философ констатирует: «Это наивно-реалистическое, материалистическое (хотя и в религиозной форме), позитивистическое мироощущение подавлено конечным, в конечной природно-исторической плоти, относительной и преходящей, видит абсолютное и божественное, боится бесконечного... Образуется священная плоть, нередко закрепощающая дух и угасающая дух» [3, с. 53].

Если человек является, согласно диалектической концепции различных видов и направлений, продуктом социальных обстоятельств, или моментом самоосуществляющейся духовной силы, то тогда человек перестает рассматриваться и оцениваться как единственная и безусловная личность. Ценность и оправдание жизни человека переносится с конкретного индивида на масштабные внеличные силы и процессы, поглощающие его и использующие его как подшипник в поступательном движении исторического колеса, или на будущий «дивный, новый мир» человеческого общежития, которому этот человек приносится в жертву для блага всемирного прогресса. Так как личность рассматривается в качестве средства, то к ней можно применять те оценки, суждения и выводы, а также действия, которые невозможны и немыслимы по отношению к субстанциальной основе или чаемой цели культурно-исторического созидания. Происходит неизбежное обезличивание индивидуальности и жизнедеятельности человека, так как в самом человеке, согласно диалектике развития самодостаточного имманентного мира, нет и не может быть никаких оснований противиться и идти наперекор этой всеохватной практике и теории деперсонализации. Человек, полностью определяемый окружающим его внешним миром, закономерно и покорно следует логике развития этого мира, не имея никаких претензий или когнитивного диссонанса по поводу происходящего с ним. Этот порок бесчеловечной диалектики, неизбежно переходящей от изначально постулируемого гуманизма к практическому расчеловечиванию и обезличиванию живых индивидуальностей, гениально вскрыл в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский [7, с. 297], оказавший определяющее влияние на философию свободы человека в доктрине Н. А. Бердяева.

Диалектика как учение изначально постулирует бесконечность, широту и богатство развития как форм жизни, так и форм мысли, которые благодаря своей незавершенности, неокончателности, внутренней противоречивости, всегда гарантируют простор и перспективу развития и совершенствования всех явлений мира. Широта мысли, критичность рефлексии, наличие полярных взглядов и идей являлись основой силы, остроты, реалистичности и универсальности методологии данного стиля философствования. Но история философской мысли с монотонной регулярностью убеждает нас в том, что диалектические системы в силу своей имманентной логики приходят в итоге к отказу от своих истоков и оснований, к утверждению догматизированных учений, отвергающих плюрализм мнений и критичность в отношении собственных положений (платонизм, томизм, гегельянство, марксизм). Платон в итоге все богатство и сложность жизни втискивает в границы и устои идеального государства, иудаизм в лице Синедриона и фарисеев кричит: «Нет у нас царя, кроме Кесаря», признавая себя и политически, и религиозно подданными Римской империи и отказываясь от духовного первородства, католическое богословие произвольно вводя «филиокве» приходит неизбежно вследствие этого к утверждению папозезаризма и теократии в земной реальности, Г. В. Ге-

гель утверждает в качестве итога и венца развития мира и Абсолютной Идеи прусскую казарму, а К. Маркс – коммунистическое общежитие как единственно возможную форму существования человечества, исключая все возможные альтернативы.

Многообразие и плюрализм разнонаправленных и противоборствующих жизненных сил, даже подчиняясь логике и порядку, предуказанному имманентными субстанциональным духом или субстанциональной материей, не устраняет трагизма жизни, а на все более высоких уровнях развития форм жизни еще более обостряет его. И дальнейшее утверждение диалектики бесконечности самопроизвольного закономерного развития бытия и мысли делает неразрешимую и все более мучительную боль и усиливающиеся страдания жизни невыносимыми для интеллектуально честного сознания и нравственно ориентированного чувства. Человеческий ум, не обнаруживая в пределах имманентной реальности исхода и разрешения несовместимых и враждующих противоречий жизни, а также всепримиряющего основания всей исторической драмы жизни, находит рецепт исцеления мира и человека в себе самом, в своих принципах мышления, произвольно и спекулятивно конструируя на основании законов диалектики идеальный порядок жизни и ее окончательный уклад в виде культурных форм исторической реальности (государственное устройство, церковная организация, социально-экономическая формация и т. п.).

То, что для Н. А. Бердяева было в исторических границах символическим явлением, в диалектических системах утверждается как основополагающие и абсолютные феномены. И если реальная сложная, нелепая и абсурдная жизнь не вписывается в совершенный, рационально обоснованный схематизм культурно-исторической логики, то тогда органическая реальность подвергается насильственному и произвольному оскотлению, в угоду нравственного и интеллектуального ригоризма. В марксизме не только отказывают духу в свободе и самостоятельности проявления, полностью подчиняя его материальному бытию и выводя свободу из необходимости, но и произвольно, принудительно вымарывают из сложной и трагической картины жизни один из органических элементов исторической действительности и человеческого существования, а именно частную собственность. Платон приносит в жертву своему проекту идеального государства свободное искусство, семью и частную собственность. Католическое богословие в лице Фомы Аквинского и Аврелия Августина стремится спасти человека и мир, объявляя материальную природу и телесность человека источниками скверны и греха, борясь с ними путем аскезы и умерщвления плоти вплоть до celibата. Гегель объявляет весь мир продуктом мысли и игнорирует любые конкретные реальные явления и факты, не вписывающиеся в его панлогизм деспотичной духовности, отказывает в существовании тому, что не поддается разумному пониманию. Ницше для утверждения своего идеала предлагает преодолеть человека, проклиная культурные нормы и христианские ценности. Поразительно единодушие великих мыслителей и их диалектических систем замкнутого на себе самом наличного мира в постулировании источника зла во внешних, внеличных феноменах и силах, а также в утверждении панацеи от всех язв жизни также во внешних по отношению к человеку, чуждых ему культурно-исторических формах бытия. А значит, они солидарны в отрицании сверхъестественного и сверхразумного источника и носителя смысла человеческого и космического бытия, оправдывающего и разрешающего драму жизни, которая таинственно слагается человеколюбивым промыслом и имеющим открытый финал. Отрицательная оценка, выносимая великими систематиками материальному миру и телесному естеству, или констатация призрачности и иллюзорности духовного пространства жизни, являются бунтарской реакцией человеческого духа, не способного разрешить проблемы и противоречия в сопряженности духовного бытия и материальной среды. Но этот протестный радикализм не является показателем проявления свободы и независимости духа от материальной определенности или духовной обусловленности, а это явное признание бессилия и поражения человеческого духа, не сумевшего разрешить антиномию жизни без исключения и обесценивания одного из содержательно необходимых составных элементов этой трудноразрешимой задачи.

По убеждению Н. А. Бердяева, выйти из концептуального лабиринта и преодолеть тупиковость и бессмыслицу развития жизни и мысли в казематах диалектического понимания и истолкования мира возможно только при помощи христианства, опираясь на учение Спасителя. Христианство сумело своим духовным откровением разрешить проблему сочетания материального, природного мира и духовной реальности, привнеся в мир подлинную свободу, берущую свой исток не в пределах душевно-телесной организации жизни, а в беспредельно-

сти и изначальности духовного мира, который в своем безусловном развитии определяет содержание, темп и направленность материальной среды жизни, существование форм которой является исторически ценным, значимым и целесообразным, даже при наличии противоречий и конфликтов между материальными и духовными измерениями бытия. Н. А. Бердяев указывает: «Но религия распятой правды есть религия свободы духа. Распятая правда не обладает ни логической, ни юридической принудительностью. Распятая правда явилась миру как бесконечная любовь. Но любовь не насилует меня, она делает меня бесконечно свободным. В любви все становится для меня родным по духу, близким, в любви освобождаюсь я от чуждого и враждебного инобытия, и потому обретаю я высшую свободу. Свобода должна привести меня к любви, и любовь должна сделать меня свободным. Благодать Христова и есть тайна любящей свободы и свободной любви. Она явлена была на кресте» [3, с. 101].

Христианское учение размыкает изолированность и автаркию имманентного мира, делает человека независимым от довлеющих над ним закономерности и необходимости природного и социального миров, побуждает человека поступать вопреки душевным порывам, природным инстинктам, доводам разума, давлению социальных обстоятельств, свободным волевым актом следуя духовному зову и отвечая на него иррационально и нравственно безупречно с точки зрения высшей правды. Законы природы и общества, призывающие человека с необходимостью утверждать себя за счет соперника и врага путем победы над ним, оказываются несостоятельными перед проповедью любви к врагам и прощению обидчиков. Кротость и смирение оказываются более сильными, чем свирепость и мстительность, а обращение к совести и требование покаяния более действенными, чем право сильного и торжество гордыни. При этом противостоящие человеку люди и обстоятельства не отрицаются, обесцениваются и отбрасываются или не покорно, бессильно и неизбежно принимаются, а приветствуются с любовью, как значимые и благие для индивида явления, помогающие ему в его познании истины и спасении. Здесь в развитии и становлении мира и человека вместо диалектического принципа отрицания отрицания проповедуется принцип дополнительности.

Христианство свидетельствует и утверждает, что любовь, свободно отдавшая себя на реальное распятие и позор, духовно и телесно себя увековечила, и это учение стало всепобеждающей и торжествующей проповедницей истины, перед которой не устояли не только исполинские империи и тоталитарные режимы, но и грандиозные по своему размаху, глубине и силе философские системы прошлого и настоящего, идейно оппонирующие этому учению Откровения. Человек, благодаря укорененному в нем самом трансцендентному и иррациональному источнику свободы, не является определяемым извне, не поддается категориальному рационализированию, не подчиняется обуславливающим внеличностным факторам. Поэтому его поступки и решения не могут быть оправданы или объяснены ни революционной необходимостью, ни материальным детерминизмом, ни фатальной испорченностью его природы, ни духовной заданностью, для которой он служит лишь формой самоосуществления, ни демонической и неукротимой динамикой инстинктивной природы. Нам представляется очень точным замечание, высказанное О. А. Запекой [10, с. 43], по поводу критики Н. А. Бердяевым рациональной этики И. Канта, что для русского философа стремление человека к Богу и исполнение Его воли им будет подлинным и плодотворным, только если их истоком и мотивом является сознательное, духовное, ничем внешним не обусловленное, волеизъявление личности. Добро исходит из свободного порыва сердца, а не понуждается рассудочной необходимостью. Н. А. Бердяев убежден: «Для того, чтобы утвердилась человеческая индивидуальность, человеческая личность, для этого она должна сознавать свою связь с началом более высоким, чем она сама, для этого она должна признать существование другого, Божественного начала» [2, с. 151].

Так как каждое явление жизни представляет собой символ, где ведущим фактором является содержание и установка духа, то человек в стремлении приблизиться к пониманию глубинной сущности данного предмета исследования должен не отходить и удаляться от конкретного объекта исследования, как того требует диалектика, по меткому замечанию А. Ф. Лосева [15, с. 550], для осмысления репрезентативной реальности, а максимально приблизиться к данному объекту, учитывая всю присущую ему сложность, комплексность и динамику наличного существования, и духовным актом вживания, любви проникнуть в его надисторический смысл и реальную значимость для конкретного человека, исторического мира и универсального источника и основы бытия. Только любовь способна понять и принять сверхприродную и предвечную Любовь, которая освобождает свободным самопожертвованием

ем сердце, волю и ум человека от рабства отчужденности, насилия, ненависти, страха, догматизма и сомнений, делает совокупность познавательных средств личности духовно чуткими, пронизательными и зоркими. В духовном опыте нет непроницаемых границ и непознаваемого содержания, он является единым и универсальным для всех людей, тогда как душевный опыт является замкнутым и изолированным, чувственный эмпирический опыт ограниченным и частичным, а интеллектуальный опыт формальным и отвлеченным, спекулятивным. Но этот зов любви и истины предполагает свободу человека, а поэтому он может быть и не услышан личностью, отвергнут сознательно и произвольно, и тогда индивид в своем самоутверждении строит себе беспросветные катакомбы концептуального миропорядка, в которых он бесконечно обречен героически блуждать и бороться с внутренним Минотавром в слепящей темноте извилистых лабиринтов сомнений, догматических тупиков и безвыходного отчаяния, отгораживая себя ими от просторного и всеобъемлющего света свободы, любви и правды.

Заключение. Таким образом, противопоставляя человеческую диалектику и Богочеловеческое откровение, Н. А. Бердяев констатирует, что наличие и признание духовной, трансцендентной первореальности, т. е. сверхъестественного мира наряду с эмпирическим, наличным планом бытия делает человеческую жизнь и личность человека рационально неопределяемой и категориально не познаваемой до конца, они оказываются тем самым иррациональными и неподдающимися идейному проектированию и социальной формовке, позволяет мыслить и познавать истину широко, свободно, плюралистично, не сводя всю палитру интеллектуального поиска к казарменному единообразию или бесцельной игре мысли, дает понимание утопичности и несостоятельности всех попыток решить все вопросы и проблемы существования мира и человека в пределах земной действительности при помощи научных идей, технологических возможностей и социальной организации жизни. Мы можем на основании проведенного нами исследования философского дискурса Н. А. Бердяева сделать определенный вывод: христианская эсхатология и сверхъестественный источник человеческой и мировой жизни, из которых исходит в своей критике диалектических доктрин русский мыслитель, порождаящие антиномичность, неопределенность, символизм личного существования и культурно-исторического бытия, наполняющие трагизмом имманентный, земной континуум и утверждающие несостоятельность рационального детерминизма и телеологии в пределах этого континуума. Наличие этих сверхличных и сверхприродных начал бытия и мышления являются фундаментальным основанием и надежной гарантией свободы мысли, полноты жизни и гуманизма, противостоя любым попыткам превратить наличный мир в замкнутую лабораторию умозрительного произвола и бесчеловечных экспериментов. Таким образом, можно констатировать, что философская критика Н. А. Бердяевым заблуждений, соблазнов и тупиков, присущих диалектическим системам различного толка и направления, оказалась сильнее и глубже, чем его философская апологетика оснований и перспектив исповедуемой им вероучительной доктрины, оставляющей ум человека в состоянии содержательной неопределенности и смысловой туманности, открытые и неверифицируемые предположений.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Дух и реальность // Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории // Смысл истории. Новое средневековье. М. : Канон +, 2002. 448 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с.
4. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека. М. : Республика, 1993. 383 с.
5. Гегель Г. В. Философия права. М. : Мысль, 1990. 528 с.
6. Гегель Г. В. Феноменология духа. М. : Академический проект, 2018. 494 с.
7. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М. : Художественная литература, 1968. 556 с.
8. Евлампиев И. И. Абсолют как свобода: Н. Бердяев // Николай Александрович Бердяев / ред. В. Н. Порус. М., 2013. С. 37–85.
9. Ермичев А. А. Три свободы Николая Бердяева. М., 1990. 64 с.
10. Запека О. А. Проблема свободы в контексте персоналистской этики Н. А. Бердяева // Вестник славянских культур. 2010. № 3. С. 40–44.
11. Зеньковский В. В. История русской философии. М. : Академический проект. Раритет, 2001. 880 с.
12. Кант И. Критика чистого разума. М. : АСТ, 2021. 256 с.
13. Кувакин В. А. Критика экзистенциализма Бердяева. М., 1976. 206 с.
14. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М., 1996. 496 с.

15. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993. 959 с.
16. Маркс К. Капитал : в 3-х т. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1955.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. Т. 3. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1955. 630 с.
18. Молитвослов на всякое прошение души. М. : Имениник, 2011. 848 с.
19. Нижников С. А. Экзистенциальная диалектика личности и свободы в философии Н. Бердяева // С. А. Нижников, И. В. Гребешев Вопросы философии. 2018. № 2. С. 146–152.
20. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения. Т. 2. М., 1992. 829 с.
21. Новый завет. Псалтирь. М. : Даръ, 2006. 912 с.
22. Спиноза Б. Этика. СПб. : Азбука-классика, 2007. 347 с.

The Fatal Labyrinth of Dialectics and the Saving thread of Christian Freedom in the philosophical interpretation of N. A. Berdyaev

Pogodin Igor Vyacheslavovich

PhD in Philosophical Sciences, associate professor at the Institute of Social and Humanitarian Studies,
Moscow Pedagogical State University. Russia, Moscow. E-mail: igor-pogodin70@yandex.ru

Abstract. This article is aimed at analyzing and understanding the ideological differences of N. A. Berdyaev's existential personalism, on the one hand, and various worldview concepts asserting determinism and teleology in the fate of the world and human existence, on the other hand. The problem of the essence of human personal freedom in the field of cognitive discourse and in the space of cultural and historical dynamics, about the value of personality in the global process is extremely relevant. The purpose of this article is to attempt to analyze the philosophical ideas of N. A. Berdyaev, devoted to the criticism of the foundations and principles of the dialectical method of thinking and the worldview associated with it, devaluing and subordinating people to impersonal rational conceptual systems. We have tried to critically comprehend and reveal the theoretical postulates of N. A. Berdyaev's philosophy aimed at justifying the Christian interpretation of personal freedom, which, according to the Russian philosopher, is deeper, more promising for the life and creative self-activity of human individuals than varieties of dialectical doctrines. Based on comparative historical and hermeneutic methods of research of religious and philosophical sources, the author presents N. A. Berdyaev's discourse on the genesis and essence of the dialectical method of thinking and the worldview associated with it, examines the interpretation by the Russian philosopher of the role of the mindset and orientation of the spirit for the intellectual and practical life of man and society, understanding the nature and prospects of human freedom, gives comparison of the ideas of substantial dialectics and Christian existentialism within the framework of the conceptual worldview of the Russian philosopher. The article reveals the possible threats of social dehumanization, which are contained in the dialectic of a self-sufficient and closed semantic continuum of life and its mental construction. The content of the ideological confrontation of various spiritual attitudes, which is of urgent importance for modern public consciousness and philosophical discourse in modern conditions of ideological disputes and discussions, is revealed against a broad background of historical, philosophical and cultural material.

Keywords: consciousness, substantiality, necessity, determinism, symbolism, depersonalization, materialism, spiritualism, freedom.

References

1. Berdyaev N. A. *Duh i realnost'* [Spirit and reality] // *Filosofiya svobodnogo duha* – Philosophy of the free spirit. M. Respublika. 1994. 480 p.
2. Berdyaev N. A. *Smysl istorii* [The meaning of history] // *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* – The meaning of history. The New Middle Ages. M. Canon +, 2002. 448 p.
3. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo duha* [Philosophy of the free spirit]. M. Respublika. 1994. 480 p.
4. Berdyaev N. A. *Ekzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Existential dialectics of the divine and human] // *O naznachanii cheloveka* – On the appointment of man. M. Respublika. 1993. 383 p.
5. Hegel G. V. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. M. Mysl (Thought). 1990. 528 p.
6. Hegel G. V. *Fenomenologiya duha* [Phenomenology of the spirit]. M. Academic project. 2018. 494 p.
7. Dostoevskij F. M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1968. 556 p.
8. *Evlampiev I. I. Absolyut kak svoboda: N. Berdyaev* [Absolute as freedom: N. Berdyaev] / ed. V. N. Porus // *Nikolaj Aleksandrovich Berdyaev* – Nikolai Alexandrovich Berdyaev. M. 2013. Pp. 37–85.
9. Ermichev A. A. *Tri svobody Nikolaya Berdyaeva* [Three freedoms of Nikolai Berdyaev]. M. 1990. 64 p.

10. Zapeka O. A. *Problema svobody v kontekste personalistskoj etiki N. A. Berdyaeva* [The problem of freedom in the context of N. A. Berdyaev's personalist ethics] // *Vestnik slavyanskih kul'tur.* – Herald of Slavic Cultures. 2010. No. 3. Pp. 40–44.
11. Zen'kovskij V. V. *Istoriya russoj filosofii* [History of Russian philosophy]. M. Academic project. Rarity. 2001. 880 p.
12. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. M. AST. 2021. 256 p.
13. Kuvakin V. A. *Kritika ekzistencializma Berdyaeva* [Criticism of Berdyaev's existentialism]. M. 1976. 206 p.
14. Levickij S. A. *Ocherki po istorii russoj filosofii* [Essays on the history of Russian philosophy]. M. 1996. 496 p.
15. Losev A. F. *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. M. Mysl (Thought). 1993. 959 p.
16. Marx K. *Kapital : v 3-h t.* [Capital : in 3 vols]. M. State Publishing House of Political Literature. 1955.
17. Marx K., Engels F. *Nemeckaya ideologiya* [German ideology] // *K. Marx, F. Engels. Sochineniya : v 50 t. T. 3* [Essays : in 50 vols. Vol. 3]. M. State Publishing House of Political Literature. 1955. 630 p.
18. *Molitvoslov na vsyakoe proshenie dushi* – Prayer book for every request of the soul. M. Imeninnik (Birthday boy). 2011. 848 p.
19. Nizhnikov S. A. *Ekzistencial'naya dialektika lichnosti i svobody v filosofii N. Berdyaeva* [Existential dialectics of personality and freedom in the philosophy of N. Berdyaev] // *S. A. Nizhnikov, I. V. Grebeshev. Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2018. No. 2. Pp. 146–152.
20. Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil] // *Sochineniya* – Works. Vol. 2. M. 1992. 829 p.
21. *Novyj zavet. Psaltir* – The New Testament. Psalter. M. Dar (Gift). 2006. 912 p.
22. Spinoza B. *Etika* [Ethics]. SPb. Azbuka klassika (ABC classics). 2007. 347 p.